

Л. Ф. Баранник

Семантическая адаптация заимствованных слов в русских островных говорах юга Украины

В статье исследуются особенности семантической адаптации лексических заимствований из близкородственного украинского языка, а также из болгарского, молдавского, румынского, немецкого языков и диалектов, в русских островных говорах Одесщины. Выявлены основные типы семантической адаптации заимствованных слов в лексико-семантической системе этих говоров.

Ключевые слова: русский язык, диалектология, языковые контакты, заимствованное слово, семантическая адаптация, диалектный ареал.

Исследование лексики русских островных говоров Юга Украины дает ценнейший материал, позволяющий судить об особенностях межъязыкового, междиалектного контактирования на лексическом уровне, о специфике функционирования и развития лексико-семантической системы русских говоров в условиях взаимодействия, взаимовлияния территориально смежных языков и диалектов как близкого, так и отдаленного родства: русского, украинского, болгарского, немецкого и др.

Изучение территориально изолированных русских говоров, продолжительное время бытующих в иноязычном, инодиалектном окружении, необходимо для выяснения сущности и закономерности языковых процессов, протекающих при взаимодействии, взаимовлиянии языков и диалектов разной степени родства, для выявления особенностей их контактирования при наличии естественных межъязыковых связей, возникающих в процессе непосредственной коммуникации носителей разных языков и диалектов [12].

Предметом нашего внимания являются русские переселенческие говоры Одесщины, которые представляют большой научный интерес благодаря давности бытования в разноязычном, разнодиалектном окружении. Исследования русских островных говоров Одесщины, длительное время (около 200 лет) функционирующих в разноязычной среде, позволяют наблюдать ряд характерных закономерностей и процессов в лексико-семантической системе островных говоров.

Практика диалектологических исследований показывает, что "...обращаясь к изучению любого говора или группы говоров, мы должны прежде всего проследить историю их сложения и развития... и установить взаимоотношение между изучаемым говором и его соседями" [5:85].

Знание истории и условий функционирования говоров позволяет выявить характер их диалектной основы, соотношение основ контактирующих диалектов, диалектной принадлежности исследуемых говоров [6:22-31], а также определить степень влияния иноязычных соседей, а отсюда и степень интерференции, характер двуязычия, которые обязательно сопровождают взаимодействие, взаимовлияние контактирующих языковых (диалектных) систем. Разрешить эти проблемы без изучения и учета экстралингвистических факторов практически невозможно.

Архивные документы, исторические и этнографические печатные источники, материалы диалектологических экспедиций позволяют восстановить историю заселения пестрой в этническом отношении южной части нынешней Одесской области Украины, где находится большинство давних русских селений. Пестрота национального состава населения южной части Одесщины, известной ранее под названием Буджак, объясняется историческими обстоятельствами. Территория Буджака (по-турецки *буджак* — угол) до 1812 года принадлежала Турции. При турецком владычестве буджакские степи были заселены татарами-ногайцами. В результате двукратного выселения татар в Крым и на Кубань (в 1770 и 1806 гг.) эти места почти совершенно опустели. Отдельными редкими островками в Буджаке были разбросаны небольшие селения и хутора, где жили сербы, болгары, бежавшие от турецкого гнета, и русские раскольники, нашедшие здесь убежище в конце XVIII в.

В 1812 г. по Бухарестскому миру с Турцией Бессарабия была присоединена к России. Царское правительство предприняло заселение пустующих Бессарабских земель. Стремясь быстрее

заселить Буджак, оно решило привлечь в эти места иностранных колонистов — болгар, немцев, швейцарцев и др.

По свидетельству П. Н. Батюшкова, первыми явились в Бессарабию запорожские казаки [7:138–139]. Вскоре в буджакские степи двинулись крестьяне из центральных губерний России, переселенцы из Германии, Польши, Турции, Швейцарии. Прибывали и украинцы, болгары, молдаване, сербы, поляки, гагаузы, цыгане. Вследствие этого Буджак приобрел своеобразную этническую пестроту, в значительной мере сохранившуюся и до наших дней.

Уже в 1818 г. население Буджака составляло 90061 человек. Из них молдаван было 33307, или 36,98 % всего населения, болгар — 19329, или 21,46 %, украинцев — 16144, или 17,93 %, немецких переселенцев — 8284, или 9,2 %, русских — 8049, или 8,94 % и т. д. [13:36].

Русские переселялись в основном из Курской, Орловской и других южнорусских губерний. Они оказались в разноязычном окружении. По соседству с ними находились украинские, болгарские, молдавские, гагаузские селения, а также немецкие колонии [1:86–87; 13:36].

Между русскими, украинцами, болгарам, молдаванами, представителями других этносов имели место разного рода тесные длительные контакты, экономические и культурные. Все это не смогло не отразиться на русских говорах, особенно на их лексико-семантической системе [1; 2; 3; 4].

За время пребывания в отрыве от основного языкового и диалектного массива в разноязычном окружении словарный состав русских переселенческих говоров пополнился большим количеством лексических заимствований из украинского, болгарского, молдавского и других языков. Большинство их воспринято из близкородственного украинского языка и его говоров.

Все заимствованные слова, попадая в русские говоры, подвергались разнообразным видоизменениям в звуковом, морфологическом и смысловом отношении. В соответствии с внутренним строем говоров в них происходила фонетико-морфологическая и семантическая адаптация заимствований.

Процессы адаптации лексических заимствований заслуживают большого внимания. На это неоднократно указывал А. А. Потебня, подчеркивая, что дело не столько в том, что и от кого заимствуется на определенном этапе исторической жизни народа, сколько в том, во что заимствующий творчески перерабатывает заимствованное, что нового прибавляет, создает в процессе усвоения заимствования [9:7].

В. В. Виноградов подчеркивал: "...очень существенно вникнуть не только в подбор заимствований, но и в приемы их употребления и семантического изменения" [10:100].

Предметом нашего внимания является семантическая адаптация лексических заимствований в русских островных говорах Одесщины. Материалом для анализа послужили личные многолетние наблюдения автора, а также "Словарь русских говоров Одесщины" в двух томах, вышедший в издательстве "Астропринт" (Одесса) в 2000–2001 гг. благодаря спонсорской помощи японского профессора-русиста Сусуму Уэмура.

Для анализа материала на общерусском фоне использовался "Словарь русских народных говоров", для анализа заимствований привлекались толковые, двуязычные и региональные словари украинского, болгарского, молдавского, румынского и немецкого языков, а также печатные источники по украинским и болгарским говорам на территории Одесщины.

Проблемы семантической адаптации заимствованных слов рассматривались в связи с соответствием / несоответствием (полным или частичным) значения освоенного русскими заимствования с семантикой предполагаемого этимона.

Наблюдения показывают, что большая часть иноязычных слов освоена русскими с той же семантикой, в том же семантическом объеме, что и в языке-источнике. Без изменения в семантике заимствуются, как правило, однозначные слова — обозначения конкретных реалий. Среди них выделяются украинизмы *вечерні́цы*, *гопáк*, *галу́шки* и др., молдаванизмы *бóнда* 'душегрейка', *плаці́нда*, *плач́и́нда* 'пресная лепешка с начинкой из тыквы, творога или варенья' и др., румынизмы *бокáнчи* 'грубые мужские ботинки на толстой подошве' (рум. *bocance* РумРС: 97), *ба́ни* 'румынские мелкие монеты' (рум. *banii* РумРС:79) и др., болгаризмы *каларма́*, *каварма́* 'мясное кушанье с острыми приправами' (*Каларма делаица с мяса. Балгары каварму делают, мы у них научились*) (болг. *кавърма*, Чук.: 300), *дула́п* 'приспособление в виде большого колеса с ведрами для полива огорода, водочерпалка' (болг. *дулап*, Чук.; Полторац.-Зелен.: 79) и др.

Многозначных заимствований, освоенных русскими в полном семантическом объеме, немного. Подавляющее большинство их из близкородственного украинского языка. Одиночные полисеманты восприняты из молдавского и болгарского языков. Так, в полном семантическом объеме закрепился в русских говорах молдаванизм *мамалыга*. В молдавском языке *мэмэлигэ* употребляется в двух значениях 'род блюда из кукурузной муки' и 'перен. размазня (о челове?ке)' (МРС: 103). Закреплению в наших говорах слова *мамалыга* в переносном значении способствовало его яркая коннотация, особая эмоционально-экспрессивная внешняя и внутренняя окраска. Употребление молдавского *мамалыга* и в прямом, и в переносном значениях свидетельствует о его полном лексико-семантическом усвоении русскими переселенцами. Молдаванизм *мамалыга*, функционирующий в русских островных говорах не только в прямом, но и в переносном, метафорическом значении, характеризующем человека, прочно вошел в эмоционально-оценочный пласт словарного состава русских говоров, вытеснив из активного употребления русский синоним *размазня* 'слабохарактерный, нерешительный человек'. Различаясь между собой в плане выражения, характеризующие человека метафорические синонимы *мамалыги* и *размазня* в плане содержания представляют "динамическое тождество" [14:57], так как в основе их образования лежит общий мотивирующий прототип, они образованы по одной антропоцентрической словообразовательной модели. Это, несомненно, способствует адаптации молдаванизма *мамалыга* на русской почве в полном семантическом объеме: и в прямом, нейтральном значении, и в переносном, метафорическом, коннотативно-оценочном.

Значительная часть заимствований претерпела на русской почве семантические изменения. Наблюдения показывают, что в заимствованиях происходят те же изменения значений, что и в словах исконных, а именно: сужение и расширение значений. Это вполне закономерно, ибо, как отмечает Р. А. Будагов, "...в языке процессы сужения и расширения значений наблюдаются всегда, выступают как общий закон его семантики" [8:112–113]. Однако необходимо отметить, что в заимствованных словах расширение значений происходит реже, чем сужение. "В подлинных заимствованиях наиболее замечательное семантическое явление — это специализация значения", — подчёркивает известный французский исследователь Альбер Доза [11:138].

Распространенным видом семантических преобразований заимствований в русских островных говорах является сужение смыслового объема многоязычного в языке-источнике слова, т. е. заимствование слова не во всех, а только в некоторых или чаще всего в одном значении, причем самом конкретном, актуально важном для сельских жителей.

Это наблюдается при освоении заимствований как из близкородственного украинского языка, так и из болгарского, молдавского, немецкого и др. Например, украинское *пéрвістка* (ум. *пéрвісточка*) — 1. 'первенец женского пола', 2. 'родившая первый раз', 3. 'первый раз отелившаяся корова' [Гр., III: 107], воспринятое русскими в форме *пéрвостка* (ум.-ласк. *пéрвосточка*), употребляется в русских островных говорах только для наименования впервые отелившейся коровы, укр. *пóратися* — 1. 'хозяйничать', 'работать по хозяйству', 2. 'заботиться о ком-нибудь, о чем-нибудь', 3. 'рыться, копаться (в чем)' (УРС, IV:185) — в русских говорах освоено как *пóраться* только в значении 'работать по хозяйству, хлопотать'.

Из болгарских говоров только в одном из своих значений в русские переселенческие говоры вошло многозначное слово *магáре*. В русских говорах *магáрь* — 'осел', в болгарских — не только 'осел', но и переносное, пренебрежительное 'тупица, болван (о человеке)', а также 'кобылка на скрипке'. Слово *пéтел* (болг. *петел*) служит в русских переселенческих говорах, непосредственно соседящих с болгарскими, для наименования петуха. В болгарских говорах *петел* не только 'петух', но и 'тетерев'. Кроме того, болгары употребляют это слово в переносном, метафорическом значении 'глухая тетеря (о человеке)', а также как образное наименование строптивого человека.

В суженном семантическом объеме русские заимствовали у молдаван слова *банба́к*, *бумба́к* 'тонкие хлопчатобумажные нитки, употребляемые в качестве основы при домашнем прядении' (ср. молд. *бумáк* — 1. 'хлопчатник', 2. 'хлопок', 3. 'хлопчатобумажная ткань', 4. 'хлопчатобумажная нить' [МРС:97]), румынизм *фу́рки* 'вилы' (*Румыны называли на вилы фу́рки*) (ср. рум. *furci* — 1. 'вилы', 2. 'прялка', 3. 'вилообразный опорный столб', 4. анат. 'грудная кость', 5. 'трудность, затруднение', 6. разг. 'посиделки', 7. 'надрез на ушах (у овец)', 8. уст. 'виселица' [РумРС:347]).

Из немецкого языка лишь в одном значении русские восприняли многозначные в языке-источнике слова: *ку́ха* 'кулич из сдобного теста в виде ромовой бабы' (*У немцев кухни научились печь.*) (ср. нем. *Kuchen*, м 'пирог', 'пирожные', 'торт', 'печенье', 'кекс' (PDW:755; 392), *шапрон* 'сарай', 'амбар' (*Шапрон — эта на-немецки сарай большой. Сена у шапрон кладуть. Павоску ат дажда у шапрон закатували.*) (ср. нем. *Schuppen* 'сарай', 'навес', 'гараж', 'ангар' (PDW:972) и др.

Иногда происходило заимствование не прямого, как обычно, а переносного значения. Наблюдалось это тогда, когда заимствованное слово обладало прозрачной внутренней формой, особой эмоционально-экспрессивной коннотацией, нередко сопровождающейся выразительной фоносемантикой. Так, украинское слово *дзига*, известное в языке-источнике в значениях 'юла', 'волчок' и перен. 'юла, егоза, стрекоза (о человеке)', в русских островных говорах освоено лишь во втором, переносном значении.

Наряду с сужением смыслового объема иноязычных полисемантов, с закреплением их в русских говорах только в одном значении наблюдалось, правда, гораздо реже, сужение семантики заимствований в результате конкретизации в русских говорах понятий, обозначенных этими словами, заимствования, обозначавшие в языке-источнике общие, более или менее широкие понятия, начинали употребляться в русских говорах в конкретном, дифференцированном значении. Так, укр. *кві́т* 'всякий цветок вообще' — в русских говорах *кві́т* — только 'искусственный цветок из воска или бумаги', в болгарских говорах *хазма́н* — 'всякое кастрированное животное' [Швц.:96], в русских — только 'холощенный баран', болг. *ракія* — 'всякая плодовая водка' (Мич., БТР, Стойк.: 50), в русских говорах — *ракія* только 'сливовая водка'; молд. *таргэ* 'носилки вообще' [МРС:636], в русских островных говорах Одесщины *та́рга* 'специальные большие носилки в виде ящика для переноски мякны' (*Палову на тарги насили у палавень. Тарга большая, чотири ручки у тарги.*) Немецкое *Teppich* — 'ковер' адаптировалось в говоре села Русская Ивановка Белгород-Днестровского района с суженной семантикой, служит наименованием маленького коврика на полу около кровати (*Ставайте на тепих ногами, ставайти*). Ковер на стене русские переселенцы называют *кйлим*, *кйлым* (*Тепих — кола кравати, а кйлым на стине*).

Нередко в процессе адаптации заимствований на русской почве происходило "двойное" сужение семантики: иноязычное слово усваивалось не в полном объеме значений, а только в одном из них, причем это значение в свою очередь сужалось, конкретизировалось. Так, названием зимней постройки для овец в исследуемых русских островных говорах служит лексема *осло́н* (*Зимой для авец аслон делают.*), восходящая к украинскому диалектному *осло́на*, употребляемому в двух значениях: 1. 'защита, охрана' и 2. 'завеса' (УРС, III: 161). В процессе адаптации в лексико-семантической системе русских говоров произошло сужение семантики украинизма *осло́на*, во-первых, вследствие усвоения его только в одном из присущих ему значений и, во-вторых, вследствие сужения, конкретизации этого воспринятого русскими диалектоносителями значения. Многозначное болгарское *градина*, употребляемое в языке-источнике и его говорах в значениях: 1. 'сад' и 2. 'огород' (Мич., РБСКЕ, Швц.) освоено русскими только в одном, при этом суженном значении как название большого колхозного огорода за селом (огород возле дома именуется южнорусизмом *горбд*). Молдавское слово *тэртэкуцэ*, обладающее в языке-источнике прямым значением 'тыква' и переносным, шутивым, метафорическим 'башка' (о голове человека) адаптировалось в русских говорах в форме *тараку́ца* исключительно в прямом, к тому же суженном значении: обозначает не всякую тыкву, а только декоративную.

Укрепляясь в лексико-семантической системе русских переселенческих говоров, заимствованные слова нередко приобретают новые значения, как близкие к имеющимся в языке-источнике, так и совершенно отдаленные от них. Ср.: укр. *па́ша* значит 'подножный корм' — русск. *па́ша* 'подножный корм' и 'корм для пчел'; укр. *перегрома́дити* 'перегresti' — русск. *переграмадить* 'перегresti' и 'перепахать, переборонить'.

Обрастают в русских говорах новыми значениями также некоторые молдаванизмы. Примером может служить слово *гарма́н*, употребляемое в наших говорах в значениях: 1. 'ток, гумно' и 2. 'огород'. В молдавском языке *хэрма́н* только 'ток' (МРС: 73). Слово *гарма́н* в значении 'ток' с пометой "херс." зафиксировано еще В. И. Далем (Д, I:344). Это одно из ранних заимствований, широко употребляемых в русских переселенческих говорах на территории Бессарабии. Новое значение 'огород' у этого молдаванизма могло развиваться только благодаря его полной лексико-

нимається вообщє, поскільки аналогічне значення маєється в російських синонімічних відповідностях. В деяких діалектних мікросистемах заїмствованні слова, обладаючи прозраною внутрішньою формою, яркою емоційно-експресивною окраскою і фоносемантикою, адаптуються на російській ґрунті тільки в переносному значенні. Семантично адаптованні лексическі заїмствованні активно употребляються в речі носітелів російських островних говорів всіх поколінь і нерідко воспринимаются як слова свої, родніє.

1. Баранник Л. Ф. Лексическіє особенності російських переселенческих говорів Одеської області // Російські говори на Україні. — К.: Наукова думка, 1982. — С. 85—98.
2. Баранник Л. Ф. Някои особенності на българо-руските междудіалектни контакти на територіята на Одеска област в Украина // Българите в Северното Причерноморіє. Исследвания и материали. — Т. 6. — Велико Търново, 1997. — С. 413—427.
3. Баранник Л. Ф. К проблеме русско-украинско-болгарского междидіалектного взаимодействия (на материале лексики русских островных говорів Одещины) // Слов'янський збірник. — Вип. V. — Одеса, 1998. — С. 13—20.
4. Баранник Л. Ф. Молдаванізми в російських островних говорах Одещини // Записки з загальної лінгвістики. — Вип. 1. — Одеса, 1999. — С. 59—66.
5. Баранникова Л. И. Лексика колхозных говорів северной части Сердобского района // Ученые записки Саратовского педагогического института. — Вип. 8. — Саратов, 1946.
6. Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема классификации // Вопросы языкознания. — 1975. — № 2.
7. Батюшков П. Н. Бессарабия. Историческое описание. — СПб., 1892.
8. Будагов Р. А. К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике // Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1951. — Т. X. — Вип. 2.
9. Булаховский Л. А. Александр Афанасьевич Потебня (к 60-летию со дня рождения). — К., 1952.
10. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. — М., 1938.
11. Доза А. История французского языка. — М., 1956.
12. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. — К., 1979.
13. Кабузан В. Н. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII — первая половина XIX вв.). — Кишинев, 1974.
14. Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говорів. — М., 1982.

Прийняті сокращения

- БТР — Български тълковен речник. — 2-е изд. — София, 1963.
- Гр. — Б. Гринченко. Словарь украинского языка. — Т. I — 4. — К., 1907—1909.
- Д. — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. I—IV. — М., 1955.
- Мич. — Л. А. Мичатек. Дифференциальный болгарско-русский словарь. — СПб., 1910.
- МРС — Молдавско-русский словарь. — М., 1960.
- Полтора-Зелен. — Э. И. Полтораднева-Зеленина. Словарь говора болгарского села Суворово Одесской области УССР // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. — Вип. 5. — М., 1954.
- РБСКЕ — Речник на съвременния българския книжовен език. — Т. I—III. — София, 1955—1959.
- PDW — Hermann Paul. Deutsches Wörterbuch. Achte Verlag: Halle (Saale), 1961.
- РумРС — Румынско-русский словарь (составили Н. Г. Корлэтяну и Д. Е. Михальчи). — М., 1953.
- Стойк. — Ст. Стойков. Говор села Твърдици (Сливенской околии в Болгарии) и села Твардици (Молдавской ССР) // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. — Вип. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1952.
- УРС — Українсько-російський словник. — Т. I—IV. — К., 1953—1962.
- Чук. — Сава Чукалов. Българско-руски речник. — София, 1957.
- Швец. — Т. В. Швецова. Материали для словаря болгарских говорів. Словарь говорів села Твардици // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. — Вип. 8. — М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Л. Ф. Баранник

СЕМАНТИЧНА АДАПТАЦІЯ ЗАПОЗИЧЕНИХ СЛІВ У РОСІЙСЬКИХ ОСТРІВНИХ ГОВОРАХ ПІВДНЯ УКРАЇНИ

У статті досліджено особливості семантичної адаптації лексичних запозичень з близькоспорідненої української мови, а також з болгарської, молдовської, румунської, німецької мов і діалектів у російських острівних

говорах Одещини. Визначено основні типи семантичної адаптації запозичених слів у лексико-семантичній системі цих говорів.

Ключові слова: російська мова, діалектологія, запозичене слово, мовні контакти, семантична адаптація, діалектний ареал.

L. F. Barannik

SEMANTIC ADAPTATION OF BORROWED WORDS IN RUSSIAN ISLAND DIALECTS IN SOUTH UKRAINE

Peculiarities of semantic adaptation of lexical borrowings from the close cognate Ukrainian language as well as from the Bulgarian, Moldavian, Rumanian, German languages and dialects in Russian island dialects of Odessa region have been analyzed. Main types of semantic adaptation of borrowed words in lexical-semantic system of these dialects have been determined.

Keywords: Russian, dialectology, language contacts, borrowed word, semantic adaptation, dialectal area.